

¹² Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000; Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997.

¹³ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.: (По материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999; Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура городов Западной Сибири. М., 1995.

¹⁴ Балюк Н.А. Крестьянские хозяйства Зауралья в конце XVI – начале XX века. Тюмень, 2003; Жиров А.А. Тара как типичный для Сибири купеческий город // Социокультурные проблемы развития малых городов Западной Сибири: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ишим, 2000. С. 46–47; Ишим далёкий – близкий. Ишим, 1997; Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. Тюмень, 2004; Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырёх столетий. СПб., 2004; Шабалина И.Д. Берёзов. СПб., 1998; Ялutorовск: след в истории. Тюмень, 2003.

¹⁵ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав... С. 172–173.

¹⁶ Тобольская губерния: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. СПб., 1905. Т. IXXVIII. С. 46–47.

¹⁷ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 9.

Е. В. Комлева

Сибирское купечество

как источник формирования региональной интеллигенции (конец XVIII – начало XX века) *

С конца XVIII в. в истории нашего государства начинается во многом особый период, одна из характерных черт которого – выделение в социальной структуре новых слоев населения. Одним из них стала интеллигенция, т. е. люди, занимающиеся умственным трудом. Среди источников формирования русской интеллигенции было и купечество, в условиях Сибири имевшее особое значение и входившее в верхние слои местного общества. В данной статье сделана попытка рассмотрения процесса культурной эволюции сибирского купечества и выделения в его составе образованной, интеллектуальной элиты, многие члены которой меняли социальный статус, переставая заниматься профессиональным делом своих отцов и вливаясь в ряды учительства, чиновничества и прочих «интеллигентских» слоев.

* Работа выполнена при поддержке гранта № 148 Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН.

Естественно, что для того, чтобы интеллигенция начала обособляться в отдельную категорию населения, необходимы некоторые конкретные условия: во-первых, потребность общества в появлении людей, занимающихся новым видом деятельности, а, во-вторых, наличие определенного культурно-образовательного уровня в потенциальных источниках пополнения новой категории населения. Как раз в конце XVIII – первой половине XIX в. перед Россией с особой остротой встал вопрос о необходимости развития новых социальных институтов: образовательных, медицинских, научных и культурно-просветительных учреждений, для обслуживания которых требовались новые кадры. Этими кадрами становились выходцы из всех слоев населения. Например, среди учителей Томской губернии в 1843 г. встречались дети чиновников, мещан, священнослужителей, купцов, крестьян, военных¹. Однако в условиях Сибири, при крайне незначительной доле дворянства среди местного населения, наибольшие шансы получить хорошее образование и, соответственно, стать высококлассным профессионалом в новом деле, были у наиболее состоятельной части общества – купечества. Но, в свою очередь, для того, чтобы купцы стремились дать своим детям новые знания, зачастую казавшиеся оторванными от действительности и совершенно ненужными в повседневной жизни, требовался определенный внутренний настрой внутри самого купечества.

Данные о грамотности купечества такой обширной части Сибири, как Енисейская губерния, свидетельствуют, что сибирское купечество вовсе не было поголовно необразованной, «темной» массой. Как правило, даже в конце XVIII в. купцы обладали, по крайней мере, элементарной грамотностью, т. е. могли вывести на бумаге свою фамилию. Сохранившиеся ревизские сказки, а также личная и деловая переписка позволяют утверждать, что многие купцы могли не только написать свое имя, но и достаточно неплохо владели навыком письма².

Впрочем, умение читать, писать и считать было вполне востребовано в жизни и вовсе не свидетельствовало о высокой культуре. В 1820-х гг. ездивший по Сибири М.М. Сперанский «был потрясен низким уровнем культурного и духовного развития, которое он обнаружил даже среди городской верхушки»³.

К середине XIX в. в сознании сибирских горожан, и в частности, купцов, стали заметны определенные изменения: престиж образования постепенно повышался, хотя многие по-прежнему продолжали избегать образования, «боясь в нем оторванности своих детей от той среды, где они сами выросли», а на попытки некоторых гильдейцев «дать среднее образование своим детям смотрели... ужасно недоверчиво»⁴.

Однако под влиянием таких факторов, как массовый приток политических ссыльных в Сибирь, начало золотой лихорадки, вызвавшей, в свою очередь, большой наплыв разных людей и потребовавшей нового

уровня знаний, наконец, развитие системы народного просвещения, сдвиг в сторону повышения культурно-образовательного уровня со временем становился все заметнее.

Особое влияние на появление новых умонастроений в среде сибирских горожан оказали политические ссыльные: в первую очередь, декабристы и поляки. По словам енисейца М.П. Миндаровского, водворение на поселение в Сибирь участников польских восстаний 1830 и 1863 г. «немало способствовало оживлению общественной среды»⁵. Известно, что из сибирских купцов в близких отношениях с ссыльными состояли красоярец П.И. Кузнецов⁶, кяхтинцы Н.М. Игумнов⁷, В.Н. Сабашников⁸, томич С.Е. Сосулин⁹, иркутяне Н.Т. и П.Т. Баснины¹⁰, Г.О. Малых¹¹, А.В. Белоголовый, сыновья которого Андрей и Николай учились и воспитывались у декабристов¹², забайкальский купец А.П. Кандинский¹³. Незаконнорожденным сыном декабриста Н. Бестужева был воспитывавшийся в семье селенгинского купца первой гильдии А.Д. Старцев¹⁴. В переписке с декабристами Бестужевыми, Д.И. Завалишиным, И.И. Горбачевским, внучкой А.Н. Радищева состоял нерчинский купец М.А. Зензинов¹⁵.

Кроме того, красноярские купцы Латкины, М.Г. Сидоров, А.М. Кабаков тесно общались с находившимся в 1860-х гг. в Сибири известным революционером-утопистом М.В. Буташевичем-Петрашевским¹⁶. В.С. Кандинский в 1862 г. встречался в Лондоне с А.И. Герценом, обещая ему помощь в распространении по Сибири «Колокола» и «Полярной звезды»¹⁷. Несколько позднее, по просьбе Л.Н. Толстого, иркутский купец М.В. Пихтин помогал женам и детям сосланных в Якутию духовоборов¹⁸. В переписке с А.М. Горьким по самым разным вопросам состоял якутский купец А.А. Семенов¹⁹.

Из 236-ти наиболее крупных купеческих семейств, составлявших в XVIII – начале XX вв. элиту сибирского купечества, высшее образование имели представители, по крайней мере, 29 из них (11,9 %) и 9 (3,8 %) – среднее.

Наряду с общеобразовательными учебными заведениям, долгое время сохраняло свое значение домашнее образование. Однако и в этой области также наметились определенные изменения: в 1850-е гг. в купеческой среде получил распространение наем домашних учителей и гувернанток для своих детей, благодаря чему некоторое развитие получило женское образование²⁰.

Ко второй половине XIX в. среди сибирского купечества наметилась своего рода дифференциация по культурно-образовательному уровню: среди купцов стали выделяться определенные группы, по своим жизненным ориентирам и социальному значению в той или иной степени приближающиеся к интеллигенции: 1) купцы-интеллигенты; 2) литераторы, журналисты, издатели; 3) библиофилы; 4) коллекционеры;

5) краеведы; 6) организаторы музеев; 7) члены РГО, МОСХ; 8) участники научно-исследовательских экспедиций; 9) меценаты и жертвователи на нужды народного просвещения.

В большинстве своем (кроме членов последней выделенной группы), все это были люди с высшим или средним образованием, продолжавшие заниматься предпринимательской деятельностью, но не ради личного обогащения, а рассматривавшие ее как возможность получить средства для занятия интеллектуальным трудом.

Часть купеческих детей, даже продолжая числиться в купечестве, переставала заниматься профессиональной деятельностью своих родителей и изменяла свой социальный статус, пополняя ряды учителей, медиков, педагогов высшей школы, литераторов и пр., т. е. становясь интеллигентами в полном смысле. Например, сын тарского купца И.Е. Щербакова стал агрономом²¹, младший сын якутского купца Н.Д. Эверестова – учителем намского народного училища, якутского городского народного училища, организатором первых частных школ в Якутии, основателем школы на якутском языке²². Иркутский купец К.М. Жбанов в 1894 г. был назначен городским санитарным врачом²³. Из иркутских купцов Белоголовых Н.А. Белоголовый стал доктором медицины, известным врачом, Ю.А. Белоголовый преподавал анатомию в Московском университете, Л.А. Белоголовый основал первую в Сибири протезную мастерскую²⁴. Томский купеческий сын И.Ф. Манасевич стал журналистом, сотрудником петербургской газеты «Новое время», а в 1916 г. возглавил канцелярию премьер-министра России Б.В. Штюрмера²⁵, якутский купец А.А. Семенов – первым наркомом финансов ЯАССР²⁶, М.А. Новомейский – химиком, основателем химической промышленности Израила²⁷.

К другой группе принадлежали купцы, занимавшиеся литературной и издательской деятельностью. Перу нерчинского купца М.М. Зензинова принадлежали более 60 литературно-краеведческих и научных очерков о Забайкалье²⁸. Публицистом был красноярский и минусинский купец А.А. Савиных, заведовавший шахматным отделом газеты «Красноярская мысль»²⁹. Автором ряда публикаций по экономической тематике был кяхтинский первогильдеец И.А. Носков³⁰. Кяхтинский, потом московский купец М.Г. Орлов в своей «Записке о Сибирской железной дороге» предлагал выбрать направление от Н. Тагила не к Тюмени, а к Тобольску. Тюменский и московский купец Н.М. Чукмалдин обсуждал в печати важные вопросы: о соединении Обского и Волжско-Камского бассейнов дорогой, о различиях между московскими и сибирскими купцами, о значении для Сибири Северного морского пути, о налоговой реформе³¹. Иркутский купец Н.А. Белоголовый был корреспондентом «Колокола»³², енисейский купец А.И. Кытманов – корреспондентом разных сибирских газет³³.

С развитием издательского дела в Сибири связаны имена В.Я. и Д.В. Корнильевых, Н.М. Игумнова, А.М. и И.А. Лушниковых, П.И. Макушина, А.А. Семенова, М.М. Зензинова, П.А. Толкачева, А.А. Белоголового, В.М. Посохина, М.В. и Ф.М. Сабашниковых.

Отдельно можно выделить купцов-библиофилов, собирателей больших книжных собраний. Одним из самых известных библиофилов Сибири был ачинский, минусинский и петергофский купец Г.В. Юдин, собравший самую крупную частную библиотеку в Сибири, включавшую свыше 80 тыс. томов³⁴.

Помимо книг, некоторые купцы занимались собиранием картин, разных интересных вещей и пр., составляя подчас обширные домашние коллекции. Например, иркутский купец М.В. Пихтин, часто бывавший в Европе, покупал там картины и редкие вещи³⁵. Другой иркутянин – П.И. Пежемский – собирал различные старинные вещи, рукописи по истории Сибири. Н.Н. Пежемский имел богатое собрание старинных русских и иностранных монет, различных вещей³⁶. Верхнеудинскому купцу А.М. Курбатову принадлежала богатая коллекция образцов минералов Забайкалья³⁷. Г.П. Сафьянов собрал коллекцию предметов охоты и домашнего быта сойотов³⁸. Одним из первых собирателей и хранителей декабристских реликвий стал нерчинский купец М.А. Зензинов³⁹. Иркутский купец С.С. Дудоровский собрал коллекцию картин, гравюр, скульптур, мебели мастеров Западной Европы, Китая, Монголии и Японии, а также редких книг и рукописей, содержал оранжерею редких растений⁴⁰. В коллекцию уже упоминавшегося В.Н. Баснина входили гравюры и картины. Ему же принадлежало и собрание экзотических растений, выписывавшихся из Европы, Китая, Японии, Австралии⁴¹.

Многие купцы интересовались историей родного края и внесли значительный вклад в изучение региона: М.М. Зензинов, А.Д. Старцев, А.И. Кытманов, П.И. Пежемский и многие другие. Некоторые из них часто играли решающую роль в организации краеведческих музеев, выступая инициаторами их создания и активно финансируя их деятельность. Так, например, организатором Енисейского краеведческого музея стал А.И. Кытманов, свыше 20 лет безвозмездно им заведовавший⁴². Читинский купец М.М. Немеров содействовал организации музея Забайкальского отделения РГО⁴³. Селенгинский и владивостокский купец А.Д. Старцев принимал участие в организации музея при Троицкосавско-Кяхтинском отделении РГО⁴⁴. Минусинец И. Гусев поддерживал Минусинский краеведческий музей⁴⁵, с которым также активно сотрудничал другой местный купец – Г.П. Сафьянов, являвшийся членом музейного комитета, собиравший коллекции, жертвовавший деньги и пр. в пользу музея⁴⁶. Верхотурский купец С.И. Попов создал музей древностей и полезных ископаемых⁴⁷.

Среди сибирских купцов были люди, серьезно занимавшиеся наукой и входивших в крупные научные сообщества России – Русское Географическое общество и Московское общество сельского хозяйства. Членами РГО и его местных отделов были киренский и иркутский купец П.И. Пежемский, селенгинский и владивостокский купец А.Д. Старцев, иркутский В.Н. Баснин, минусинский Г.П. Сафьянов, тарский А.И. Нерпин, кяхтинский А.М. Лушников, верхнеудинский А.М. Курбатов, собиравший материалы о природных ресурсах края по заданию МВД⁴⁸, красноярский Н.В. Латкин, за одну из своих работ удостоенный золотой медали РГО⁴⁹, кяхтинский Г.М. Осокин и целый ряд других купцов. Крупным исследователем Сибири стал красноярский купец И.П. Кузнецов, получивший известность благодаря своим археологическим раскопкам в Минусинской котловине⁵⁰.

К первому опыту исследования сельского хозяйства в Сибири относились создававшиеся под влиянием МОСХ опытные хутора⁵¹. По рекомендации А.Н. Муравьева верхнеудинский и кяхтинский купец, член-корреспондент МОСХ Г.А. Шевелев создал первый в Восточной Сибири сельскохозяйственный хутор под Верхнеудинском⁵². Другой член-корреспондент МОСХ, верхотурский купец С.И. Попов на хуторе под Семипалатинском проводил опыты по выращиванию различных сельскохозяйственных культур⁵³.

Зачастую купцы-ученые сочетали интересы в самых разнообразных областях знания: А.И. Кытманов проявил себя как геолог, ботаник, почвовед, историк⁵⁴; М.А. Зензинов увлекался литературой, ботаникой, агрономией, медициной, М.М. Зензинов интересовался историей Забайкалья, собирал русский, бурятский и тунгусский фольклор, участвовал в составлении первого словаря тунгусского языка и, одновременно, занимался ботаникой, проводил опыты по выращиванию новых сортов различных растений⁵⁵.

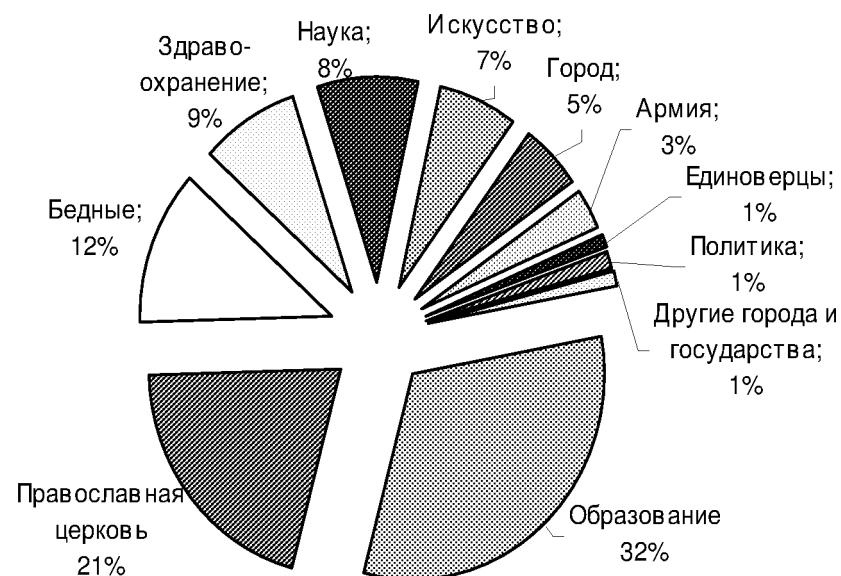
Довольно значительную группу среди сибирского купечества составляли участники и «спонсоры» научно-исследовательских экспедиций. Красноярец купец П.И. Кузнецов в 1854 г. участвовал в первой Амурской экспедиции вместе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым⁵⁶. Кяхтинские купцы Иннокентий и Александр Лушниковы путешествовали по Монголии, составляли карты, собирали материал для музея АН⁵⁷. Крупный пароходовладелец, кяхтинский, нерчинский и иркутский купец П.И. Пахолков принимал участие в экспедициях на Амур 1850-х гг.⁵⁸. Огромный вклад в освоение севера внес архангельский и красноярский купец первой гильдии М.К. Сидоров, в 1852–1882 гг. израсходовавший на эти цели 1,7 млн руб.⁵⁹.

Вообще, несомненно, что степень развития купеческой благотворительности в сфере науки и образования стала одним из показателей осознания купцами значимости для общества роста культурно-

образовательного уровня населения. Из 236-ти семейств, входивших в купеческую элиту Сибири, представители 176-ти (75 %) делали взносы различной величины на нужды народного просвещения, развитие печатного дела, организацию музеев, библиотек, театров, проведение научно-исследовательских экспедиций и пр.

Диаграмма 1.

Сферы благотворительности верхушки сибирского купечества (XVIII – начало XX в.)

Среди наиболее ярких примеров можно привести деятельность енисейской купчихи В.Я. Баландиной, которой за вклад в развитие женского образования было присвоено звание почетного и пожизненного члена общества для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, а в 1897 г. была учреждена стипендия ее имени студенткам-сибирячкам, учащимся на этих курсах⁶⁰. Один из крупнейших золотопромышленников Сибири. А.М. Сибиряков более 1,5 млн руб. пожертвовал на развитие образования и просвещения в Сибири; его сестра Анна – более 1 млн руб., брат Иннокентий – более 4 млн руб.⁶¹.

Таким образом, сибирское купечество можно рассматривать как один из источников пополнения региональной интеллигенции. При этом в те-

чение XIX в. для купеческой среды в целом были характерны две тенденции: с одной стороны, неприятие нововведений, непонимание значимости образования для практических нужд, с другой стороны, это консервативное настроение с течением времени постепенно преодолевалось, все большее число купцов стремились отдать своих детей в видные столичные и даже заграничные вузы. В результате, часть купеческих детей, получивших хорошее образование, оставляли занятие торговлей и промышленностью и переходили в разряд работников умственного труда. Кроме того, расширение сфер благотворительности купцов, рост пожертвований на нужды образования, науки и пр. во второй половине XIX в. говорят о том, что интересы многих из них перестали сосредотачиваться только в сфере предпринимательства. Смена жизненных ориентиров, появление новых интересов, связанных с научной деятельностью, а также материальная база, которой располагали купцы, способствовали выделению из купеческой среды видных литераторов, художников, ученых самых разных направлений.

¹ ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–8.

² Комлева Е.В. Енисейское купечество в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. М., 2006. С. 183–186.

³ Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. London, 1956. P. 74.

⁴ Енисейский городской архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 101 об.–102.

⁵ Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания. Т. 1. Город Енисейск. Машинописный вариант. Енисейск, 1925. С. 265–266.

⁶ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 127–128.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 6.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 88–90.

¹¹ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 66–67.

¹² Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 104–108.

¹³ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 146–147.

¹⁴ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 85.

¹⁵ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 55.

¹⁶ Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска. Т. 1. XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 16; Юрков В. Латкин, «купчик безродный» // Красноярский рабочий, № 220, 20.09.1991. С. 3.

¹⁷ Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 1. Новосибирск, 1995. С. 151–152.

¹⁸ Там же. Т. 3. Кн. 3. С. 10.

¹⁹ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 30–31.

²⁰ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. Машинописный вариант. Енисейский краеведческий музей. С. 300.

- ²¹ Там же. Т. 4. Кн. 3. С. 43.
²² Там же. С. 81.
²³ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 16.
²⁴ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 104–108.
²⁵ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75.
²⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 30–31.
²⁷ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 45.
²⁸ Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
²⁹ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 9–10.
³⁰ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 52–53.
³¹ Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 123–125.
³² Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 107.
³³ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002.
³⁴ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 3.
³⁵ Там же. Т. 3. Кн. 3. С. 10–11.
³⁶ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 114–115.
³⁷ Гапоненко В.В. Верхнеудинские меценаты первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. У.-Удэ, 1996; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 146–148.
³⁸ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 20–21.
³⁹ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
⁴⁰ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 135–137.
⁴¹ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 91–92.
⁴² Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 166.
⁴³ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 20.
⁴⁴ Хисамутдинов А. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001; Т. 4. Кн. 1. Новосибирск, 1997. С. 85.
⁴⁵ Т. 1. Кн. 2. Новосибирск, 1994. С. 106.
⁴⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 20–22.
⁴⁷ Там же. Т. 3. Кн. 3. С. 43–44.
⁴⁸ Гапоненко В.В. Верхнеудинские меценаты первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. У.-Удэ, 1996; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 148.
⁴⁹ Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 1. С. 20.
⁵⁰ Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2002. С. 178–179; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 128.
⁵¹ Белоножко Ю.А. Московское общество сельского хозяйства и его деятельность в Сибири в 1820–1860 гг. // Сибирский вестник. 1992. № 4. С. 106.
⁵² Белоножко Ю.А. Верхнеудинский друг декабристов Г.А. Шевелев и Московское общество сельского хозяйства // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985.
⁵³ Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 3. С. 43–44.

- ⁵⁴ Там же... Т. 2. Кн. 2. С. 166.
⁵⁵ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
⁵⁶ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 128.
⁵⁷ Там же. Т. 3. Кн. 1. 46–47.
⁵⁸ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 110–111.
⁵⁹ Там же. С. 54–57.
⁶⁰ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность... С. 17.
⁶¹ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 50–53.

А. В. Гущин

Образ русского военного моряка глазами представителей сухопутной армии в Русско-японскую войну 1904–1905 годов

Русско-японская война 1904–1905 гг. относится к числу наиболее изученных тем отечественной историографии. Но в рамках социального подхода к военной истории считаем необходимым остановиться на проблеме взаимодействия и взаимной оценки сухопутной армии и сил военно-морского флота, задействованных в борьбе с Японией. Вооруженные силы всегда отражали внутреннюю ситуацию в стране. И если общественно-политические процессы, происходившие в обществе, находили свое продолжение в армии, то вполне вероятно, что отдельные антагонистические течения легче проследить на примере армии, чем в обществе. В то же время армия – это представительство практически всех социальных групп. А русско-японская война – катализатор взаимодействия и взаимодействия этих социальных групп. В качестве методологической конструкции предлагаем пользоваться понятием «образ». Под ним понимается знак, который содержит полновесную информацию, выбранную для изложения нарративного материала.

Для написания работы использовались опубликованные источники личного происхождения. Для объективной реконструкции образа русского военного моряка глазами представителей сухопутной армии необходимо было использовать дневники и воспоминания участников, занимавших различное положение в системе должностей и званий. И использованные источники личного происхождения можно условно разделить на группы. 1) Воспоминания младших офицеров, такие как дневник Ф. И. Шикица¹, начавшего войну в унтер-офицерской должности старшего ординарца и закончившего компанию в звании зауряд-прапорщика, дневник осады Порт-Артура М.И. Лилье², автор которого был военным инженером в звании штабс-капитана, мемуары заведующего минной обороной Западного форта крепости Порт-Артур поручика Н.А. Мелик-Парсаданова³, воспоминания офицера 25 Восточно-Сибирского стрелкового полка И. Щеголева⁴, дневник командира 9-й